

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 82-312.6:821.161.1

DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-1-55-62

М. Л. Бедрикова (Магнитогорск, Россия)

И. М. ЕФИМОВ «СВЯЗЬ ВРЕМЁН»: ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной литературоведческой и культурологической проблеме рубежа XX–XXI вв. – специфике литературоцентризма в русской литературе. Объект изучения – автобиографическая проза русского зарубежья, в частности, «Связь времён. Записки благодарного. В Старом Свете» (2011) И. М. Ефимова. Автор статьи анализирует особенности мышления писателя-диссидента, доказывая гипотезу, что повествователь, «я» известного исторического романиста, рефлексирующий тип личности, который осмысливает частную жизнь сквозь призму истории и великой русской литературы. Помимо фактологии и хронологии хрущевской оттепели 1950–1960-х гг., записки включают эпизоды из биографий эмигрантов «третьей волны»: И. Бродского, С. Довлатова и других товарищей И. М. Ефимова по ленинградскому самиздату 1960-х – начала 1970-х гг. Широкое интертекстуальное поле – от античных литературных памятников до современной литературы, западноевропейской философии XX вв. – придает запискам энциклопедический характер. Новизна исследования проявляется, во-первых, в выявлении особых граней литературоцентризма инакомыслящего писателя, анализирующего личный диссидентский опыт в тексте «Связи времен. Записках благодарного. В Старом Свете»; во-вторых, в исследовании малоизученных жанровых черт записок как вида мемуаров. Характерно совмещение политического, социокультурного и литературного компонентов в восприятии современника оттепели. В сознании И. М. Ефимова, фиксирующего подробности публикации «Одного дня Ивана Денисовича», общественно-политические перемены в СССР неотделимы от международной обстановки 1962 г., каждый факт публикации инакомыслящих литераторов знаменует прогрессивный путь развития отечественной литературы на основе традиций классики. Методология статьи – сочетание биографического, историко-литературного и типологического методов с методами культурологического исследования.

Ключевые слова: литературоцентризм, литература русского зарубежья, диссиденты, автобиографическая проза, записки, И. М. Ефимов, «Связь времён. Записки благодарного. В Старом Свете».

Введение

На рубеже XX–XXI вв. в отечественном литературоведении и культурологии одним из важных научных направлений является изучение неразрывных связей истории русской словесности с развитием духовной жизни России в формах культуры. В. Кондаков дал феномену следующее определение: «Можно говорить о таком метаисторическом свойстве русской культуры, как *литературоцентризм* – упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам саморепрезентации» [2]. Проблемой литературоцентризма применительно к творчеству современных писателей занимаются исследователи постмодернизма: О. В. Богданова [1], М. Н. Липовецкий [3] и др. Так О. В. Богданова говорит, например, о литературоцентризме Вяч. Пьецуха: «... манифестационная установка художника на “литературоцентричность” русской жизни, исходное и опорное признание для русской ментальности первичности литературы и вторичности реальности» [1, с. 182–183]. Оценивая феномен литературоцентризма, М. Н. Липовецкий считает признаком постмодернистского мышления «размывание границ»: «... чисто постмодернистское размывание границы между знаком и референтом, акцент на зависимость “истории” от “литературы”» [3, с. 233]; и называет постмодернистское восприятие истории «новым историзмом». Эти концепции литературоцентризма выявляют постмодернистскую специфику, однако необходимо отделить от нее и проанализировать особенность литературоцентризма одного из авторов русского зарубежья, приверженца традиционного исторического романа – Игоря Марковича Ефимова (1937–2020). Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью проанализировать феномен литературоцентризма как основу мышления этого писателя-диссидента.

Развитие его сюжетов зависит от целого комплекса причин, в числе которых непременно значится нравственный выбор: «“В исключительных случаях, – полагает И. Ефимов, – смена родины и веры может оказаться единственным выходом для личности остаться собой”. Автор романа («Новгородский толмач» (2004), – М. Б.] – сын репрессированного. Биографический момент сближает автора

и героя» [6, с. 69]. Специфика литературоцентризма у автора «Связи времён» определяется его творческим методом.

В аннотации к книге «Связь времен. Записки благодарного. В Старом Свете» издатели отметили: «Бродский считал, что Игорь Ефимов «продолжает великую традицию русских писателей-философов, ведущую своё начало от Герцена <...> Ефимов написал свой вариант “Былого и дум” <...> Уже в школьные годы он не верил газетной и радиопропаганде – только Пушкину, Лермонтову, Толстому»¹⁵.

1. Литературоцентризм И. М. Ефимова: жанровая традиция

Типология мемуарной прозы разнообразна, записки только один из ее видов (наряду с письмами, дневниками). Анализ литературоцентризма в записках И. М. Ефимова требует рассмотрения этой жанровой традиции.

В тексте «Связи времен» И. Ефимов упоминает «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского¹⁶ и записки других авторов. В 1980-х гг. изыскания в области жанров мемуарной литературы (мемуаров первой мировой войны) вела Т. Н. Фоминых. Она обращает на два момента. Первой специфической жанровой чертой записок является «автобиографичность», «документальность»: «Эпохальность переживаемой исторической ситуации раздвинула границы автобиографического “я”. Запись о себе превращалась в запись о других, и что особенно важно, для других (расчёт на читателя). Такая установка обусловила повинование “человеческого документа” законам художественного творчества, определила равновесие вымысла и фактической основы в повествовании» [5, с. 101]. Второй чертой в свете перспектив развития видов, вслед за А. И. Белецким, Т. Н. Фоминых называет познавательную ценность мемуаров: «Ассоциативная по своей природе, мемуарная проза представляла неограниченные возможности подачи жизненного материала, позволяла показать всё многообразие бытия, и по степени всеохватности также может рассматриваться как поток эпопей нового типа, вырастающей “не из мифологии, а из новой практики миллионов людей”» [5, с. 102]. Исследовательница имеет в виду мемуары, современные «коренному переустройству мира». В «Связи времен» суть изображаемой социокультурной ситуации хрущевской оттепели совпадает с глобальной сменой парадигм. Ситуация кризиса побуждает автора записок искать опору в национальной культуре и литературе.

2. Интертекстуальная канва записок И. М. Ефимова

Среди факторов, объясняющих «власть слова» над остальными «силами», В. И. Кондаков выделяет базовые и системообразующие факторы, их числе: специфический тип русской ментальности; отраженный в письменных текстах «ход культурно-исторического процесса в России»; «межкультурное взаимодействие России с Западом и Востоком»; уникальный национальный исторический опыт; «своеобразие и богатство русского языка» в основе словесности; и, вслед за А. Ахизером, «медиа-тивное положение» литературы среди форм культуры (религии, философии, науки, искусства) [2].

В России, по мнению культурологов, репутацией национальных идейных вождей, пророков пользовались в разные периоды именно писатели: Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Горький, А. Блок, В. В. Маяковский, С. Есенин, а к концу XX века – А. И. Солженицын, И. Бродский, Э. Лимонов [4]. Словацкий исследователь Й. Сипко, ссылаясь на данные известного психолога Ю. А. Сорокина, приводит ориентиры «антропоцентрической картины мира своего и партнерского народов» у опрашиваемых представителей России и США. Граждане России назвали Пушкина, Толстого, Петра Первого, Достоевского, Гоголя; граждане США – Горбачева, Пушкина, Достоевского, Петра Первого, Толстого: «Россия доминантно представлена в сознании россиян и американцев русскими писателями. Американские писатели в ассоциативных опросах не были названы в числе первых» [4, с. 1051].

В «Связи времен» постоянно цитируется русская классика и современная советская литература,

¹⁵Ефимов И. Связь времён. Записки благодарного. В Старом Свете. М. : Захаров, 2011. С. 4.

¹⁶Там же. С. 99.

а также запрещенные тексты ленинградского самиздата, с которым писатель был биографически связан на рубеже 1950–1960-х гг. Исследователю требуется установка, ключ к пониманию того, какая литература явилась источником, каким было литературное образование в советской школе, какие интерпретации русской литературной классики приняты как исходные. Временной охват в произведении «Связь времён. Записки благодарного. В Старом Свете» биографически конкретен: жизнь И. Ефимова (р. 1937) в сталинское время, затем период хрущевской оттепели, эпоха Брежнева в ее расцвете.

Для уточнения подходов к преподаванию литературы в школе в 1940–1950-е приведём пространную цитату-«ключ» из записок И. Ефимова о главенстве идеологии над литературным образованием, народным образованием в целом: *«Дайте же, наконец, что-нибудь про нас самих – про людей! Про людей берётся объяснять учебник литературы. Там сказано, что главная задача писателя всегда была одна: бороться за свободу народа <...> то, чем мы сейчас пользуемся как никто и никогда в мире. В своих лучших произведениях писатели воспевали народ, <...> разоблачали угнетателей, призывали к борьбе за лучшее будущее, то есть, опять же – за наше настоящее. “Здесь рабство точнее влачится по браздам”, – писали они. “Чудище обло, озорно, стозевно и лай”, – заучивали мы наизусть [«Тилемахида», том II, кн. XVIII, стих 514, – М. Б.]. “Товарищ, верь, взойдёт она, звезда пленительного счастья”, – не исключено, что имелась в виду кремлёвская звезда. Вообще, в условиях жестокой царской цензуры поэтам о многом приходилось писать не прямо, а иносказательно <...> Конечно, они были великие писатели, но всё же во многих вопросах не такие умные, как мы сейчас. Они часто заблуждались. Очень заблуждался Гоголь в конце жизни. Страшно путался Толстой. Толстого было жалко – он не понимал простейших вещей, понятных нашей учительнице Антонине Васильевне. Был ещё самый чудовищный путаник, Достоевский, который писал одну только Достоевщину, но он так завирался, что его и изучать нечего»¹⁷. Выстраивается связанный ряд ключевых слов: про людей – учебник литературы (учебник жизни) – русский писатель-классик – свобода народа – разоблачение угнетателей (врагов народа) – вера в лучшее будущее и борьба за лучшее будущее – русский XVIII век – золотой век – муза – любовь, дружба, верность – настоящая и ненастоящая любовь – великие писатели – заблуждения великих писателей – путаники Гоголь, Толстой, Достоевский – учительница литературы Антонина Васильевна. Это не что иное, как парадигма литературного образования – школьного, ибо школа закладывала в умы советских людей основы советского мировоззрения, идеологические догматы. В этом смысле будущие диссиденты, будь то А. И. Солженицын, И. Бродский или И. М. Ефимов, не были исключением – они тоже были советскими школьниками и в равной степени с другими имели возможность получить глубокие знания по русской и мировой литературной классике тоже преимущественно в пределах существующей идеологии.*

3. Записки путешественника по волнам памяти в 1960-е гг.: история, литература и судьба

Масштаб замысла И. Ефимова грандиозен, достаточно взглянуть на сложное развернутое оглавление в «Связи времён». Ассоциативно возникает сопоставление с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Радищева: писатель, связанный с историей Ленинградского самиздата, путешествует по волнам памяти, увлеченно рассказывает пытливому читателю о своей жизни в СССР (Советской Империи), друзьях-литераторах, лучшем друге И. Бродском. Другой пример концептуального оглавления в русской литературе XX в. находим в четырёхтомной эпопее А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Собственный опыт сюжетно-композиционной организации большого романа об империи (Древнем Риме эпохи упадка) накоплен у И. Ефимова в произведении «Не мир, но меч» (1998, книжный вариант – «Пелагий Британец»). В хронотопе «Связи времён» временная составляющая преобладает над пространственной (при всей важности последней). Можно также утверждать, что в записках И. Ефимов дополнил «петербургский / ленинградский текст русской литературы», ибо империя в «Связи времён» обозначена «вешками»-знаками пространства столиц – Ленинграда, в котором писатель жил, и Москвы. Провинция тоже описана, но точечно, избирательно, поэтому говорить о полном

¹⁷ Ефимов. Указ соч. С. 55.

охвате геополитического пространства СССР не приходится. За географическими границами империи, о которой автор (что важно!) вспоминает с благодарностью, остается эмиграция (США).

Читателю легко путешествовать по биографии И. Ефимова, благодаря мягко-ироничной интонации беллетризованного стиля записок. В русле традиции А. Радищева автору удается провести читателя по станциям своей жизни и постепенно создать портрет молодого поколения – его сверстников, рождённых еще до Великой Отечественной войны, – поколения шестидесятников.

Взгляд историка-романиста выбирает факты, которым писатель был свидетелем. Н. М. Щедрина так прокомментировала особенность такого подхода: «Память о минувшем нужна людям не сама по себе, а для того, чтобы лучше разобраться в настоящем и предвидеть будущее» [7, с. 9]. Взгляд И. Ефимова становится провидческим: лично пережитое просвечивает сквозь призму вечных тем отечественной литературы.

И. М. Ефимов – писатель и ученый, автор философских трактатов, поэтому его литературоцентризм органично взаимодействует с гуманистическими философскими составляющими: гуманистическая направленность классики находит опору в идеях европейской философии о величайшей ценности человеческой жизни как дара, который необходимо беречь. Советская идеология называла подобный гуманизм «абстрактным», противопоставляла его целесообразному «новому гуманизму»: все средства правомерны, хороши, если «революции надо». Поколение И. Ефимова воспитано на молодой литературе 1920–1930-х гг., воспевавшей революционный подвиг, жизнь ради идеи коммунистического будущего. Молодежь 1960-х верила в особое предназначение: своим самоотверженным трудом она сможет приблизить коммунистическое «завтра» уже к 1980-м годам. Вера в коммунистические идеалы у шестидесятников – константа, которую повествователь подвергает переоценке. Переоценка взглядов самого И. Ефимова произошла еще в эпоху оттепели: приоткрытый «железный занавес» позволил образованным кругам (интеллигенции, студенчеству и т. д.) СССР познакомиться не только с зарубежной литературой и философией XX в., но и новой русской литературой, к примеру, сочинениями А. Солженицына. Больше всего на умы студентов-ленинградцев, по мнению И. Ефимова, повлияли поэмы И. Бродского, которые распространялись самиздатом (на машинописных страницах), их воспринимали как откровение, и это «запрещенное чтение» заполняло пустоту затверженных фраз прессы и официозного искусства.

4. Литературоцентризм власти VS литературоцентризм диссидентов

Феномен веры в слово, литературу художественно осмысливают многие авторы рубежа веков, затрагивающие русскую тему. Так, Вяч. Пьецух в «Новой московской философии» (1989) утверждал, что русская личность буквально питается духовно из родника отечественной литературы: «...русская личность издавна находится под владычеством, даже под игом родного слова. Датчане своего Кьеркегора сто лет не читали, французам Стендаль, пока не помер, был не указ, а у нас какой-нибудь саратовский учитель <...> напишет, что ради будущего нации хорошо бы научиться спать на звездах, и половина нации начинает спать на звездах»¹⁸. Ключ к пониманию русской личности, по Вяч. Пьецуху, запечатлен во фразе: «...у нас куда литература, туда и жизнь»¹⁹. О выраженном литературоцентризме автора говорят названия его произведений: «История города Глупова в новые и новейшие времена» (1989), «Восстание сентябристов» (1989), «Наш человек в футляре» (1989) и др. В. И. Кондаков, характеризуя нишу русской литературы во все времена и, в том числе, на рубеже 1950–1960-х гг., пишет: «Не меньшее значение придавали литературе как средству политики и последующие руководители Советского Союза, и представители политического и литературного андеграунда в Стране Советов» [2].

Восприятие официально издаваемых произведений у И. Ефимова и диссидентов специфично: если цензура пропустила произведение в печать, то публикация «заказная». Категоричность позиции молодых ленинградских и московских интеллектуалов очевидна: вся открыто публикуемая литературная продукция отмечена печатью официоза. Что это? Юношеский максимализм, усиленный верой в моральную чистоту, неподкупность русского писателя-идеала, которому дорога судьба Роди-

¹⁸Пьецух Вяч. Новая московская философия: хроники и рассказы. М. : Моск. рабочий, 1989. С. 165.

¹⁹Там же. С. 167.

ны?

В 1960-е годы проблема цензуры стала центральной, о чем красноречиво свидетельствует факт попытки А. Солженицына построить диалог с властью и «братьями по перу». Он требовал «упразднения всякой – явной и скрытой – цензуры» в своем «Письме IV Всесоюзному съезду советских писателей (16 мая 1967 г.)»²⁰. Диалог не состоялся, и А. Солженицын был лишен слова, отстранен от трибуны съезда.

Литературоцентризм культивировался официальной идеологией и во времена Российской Империи, именно прежний литературоцентризм после 1917 г. был воспринят советской школой. К середине прошлого столетия читатель был воспитан на высокой культуре, он знал отечественную классику, прекрасно ориентировался в социокультурной ситуации. На рубеж 1950–1960-х гг. пришелся бум поэзии, и это не случайно: если бы не всеобщий интерес к стихам, то не родилась бы и «эстрадная поэзия» шестидесятых. Примечательна оценка современника-читателя, сделанная прозаиком Борисом Вахтиным, руководителем оппозиционной литературной группы «Горожане»: «... всё годится в этой борьбе для победы над всё читавшим и всё видевшим на своём веку современником»²¹. Читая этот призыв-«установку», невольно задумаешься, не свершилось ли в середине XX в. то, о чем мечтал Гоголь для будущей России: чтобы русский человек был совершенным, как А. С. Пушкин? Не реализовалась ли мечта классика в СССР периода оттепели?

Интересно развил гоголевскую мысль в свое время писатель Ю. В. Давыдов: «Все наши сюжеты, – думал Милый Алексеевич [Башуцкий, главный герой исторического романа Ю. В. Давыдова, – М. Б], – определены Пушкиным. Гоголь видел в Пушкине явление русского человека, каким он будет лет двести спустя. Увы, Герцен вопрошал горестно: не начать ли новую жизнь с сохранения корпуса жандармов? Как в воду глядел. Потому и утверждал Главный Синий Тюльпан: будущее России находится за пределами самого пылкого воображения. Угадал – за пределами»²².

В своем обращении к коллегам-единомышленникам Б. Вахтин взывал «победить всё читавшего современника»²³. Автор «Связи времен», участник группы «Горожане», благодарный за возможность приобщиться к великой культуре, то и дело спохватывается: «Но вся классическая литература, как бы глубоко она ни задевала сердце, была при этом так или иначе **прикарманена** нашими учителями, **расфасована** в школьных учебниках»²⁴. В воспоминаниях С. Я. Маршака находим похожую критику подхода к преподаванию литературы, но в дореволюционной гимназии: «Однако всё же, хоть по казённому шаблону, с классикой гимназия нас кое-как знакомила. А вот литературы наших дней она совсем не признавала – будто дойдя до «Обрыва» Гончарова, кончалась обрывом и вся наша изящная словесность»²⁵. Сходен иронический пафос повествования у авторов воспоминаний, разделенных временным промежутком в более полувека: «...не дальше Тургенева и Гончарова, да и то в самых старших классах <...> Для нас это было путешествием по унылой пустыне, в которой почти не было оазисов»²⁶. Примем суждение И. Ефимова как данность, но останемся при своем мнении, что школьный учебник, оппозиционный официальной идеологии, – это скорее исключение из правил. Учебники всех времен и народов базируются на проверенной опытом преподавания концепции методистов, именно они определяют содержание учебника – ясное, доступное пониманию, самое интересное и ценное, что есть в изящной словесности.

В главке «Поможем труженикам села!» (глава «В Политехническом») И. Ефимов вспоминает о веселом студенчестве, буднях «на картошке», «в борозде». Даже такие «сельскохозяйственные» эпизоды оцениваются автором литературоцентрично: «Как счастлив был бы Лев Николаевич Толстой, если бы ему довелось увидеть этих городских «бездельников и дармоедов», приставленных, наконец,

²⁰ Солженицын А. И. Собр.соч.: В 9 тт. Т. 7: В Советском Союзе.1967–1974; на Западе.1974–1989. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 9.

²¹Ефимов. Указ соч. С. 143.

²²Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий : Повести, рассказы / Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. СПб. : ЗАО Изд-во Пропаганда», 2004. С. 32.

²³Ефимов. Указ соч. С. 143.

²⁴ Там же. С. 167.

²⁵ Маршак С. Я. В начале жизни. Страницы воспоминаний // Сказки, песни, загадки. Стихотворения. В начале жизни. Страницы воспоминаний / предисл. В. Смирновой. М.: Дет. лит., 1983. С. 573.

²⁶ Там же. С. 572.

к полезному труду!»²⁷. Крылатые выражения и образы пронизывают комментарии: «Не знали мы [студенты – М. Б.] тогда, что засел за кремлёвскими стенами обычный Тришка из крыловской басни (только имя сменил на Никиту) и будет латать сельскохозяйственный кафтан огромной страны <...> А потом придут другие Тришки <...> и затеют поворачивать на юг северные реки <...> Мы не знали ничего этого – и слава Богу <...> Зато мы так молоды, и вечером – звёздное небо над головами, и танцы под гитару, и песни хором»²⁸.

5. О литературе и трагической судьбе русского крестьянства в XX веке

Тема деревни, трагической судьбы русского крестьянства после 1917 г. включены в поле зрения И. Ефимова-горожанина. Характерно совмещение политического, социокультурного и литературного компонентов в восприятии этой темы современником оттепели.

Глобальные перемены в СССР были неотделимы от международной обстановки (холодная война), в этих условия сам факт публикации инакомыслящих писателей знаменует путь прогрессивного развития литературы, опирающейся на традиции классики. Ефимов пишет об «Одном дне Ивана Денисовича»: «Солженицын не только рассказал правду о лагере. Он изменил точку отсчёта, у него человеческая жизнь снова стала величайшей ценностью <...> Говорили о том, что повесть попала в унисон с начатой Хрущёвым кампанией десталинизации. И о том, что летом 1962 года он был очень увлечён своей ракетно-кубинской авантюрой и просто проглядел взрывной заряд «Ивана Денисовича»²⁹]. Для Ефимова, опирающегося на слова Владимира Максимова (интервью Джону Глэду, 1983 г.), «отзывчивость Солженицына на горести русской деревни» («Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка») является фактом исторической справедливости, ее торжеством, объяснением, исчерпывающим смысл истории, через судьбу отечественной литературы после 1917 г. Автор «Связи времен» пишет: «Ведь все четыре участника данной литературной коллизии – Твардовский, Солженицын, Хрущёв, Иван Денисович Шухов – это бывшие деревенские ребяташки, вырванные гигантским историко-социальным взрывом из привычного сельского быта, брошенные в страшный грохочущий мир. У них неизбежно должно было возникнуть чувство близости, взаимопонимания»³⁰. Это точка зрения В. Максимова на специфику правящей элиты СССР (выходцев из крестьянства): «...подсознательная ностальгия по прошлому – прошли там и голод, и коллективизацию. **И они решают, что допускать, а что нет**»³¹.

Все же в ситуации 1962 г. политическая воля лидера оттепели и поддержка им А. Солженицына были политическими явлениями (читатели открыли для себя новую лагерную Россию). Странно звучит суждение И. Ефимова: «У них [Твардовского, Солженицына, Хрущёва, Ивана Денисовича Шухова – М. Б.] неизбежно должно было возникнуть чувство близости, взаимопонимания»³². Обратим внимание на крайний литературоцентризм И. Ефимова – ведь образ Ивана Денисовича мыслится писателем не как литературный персонаж, а как живой участник коллизии, стоящий в одном ряду с политическими фигурами и автором повести. И хотя и Солженицын, и Твардовский задавались «проклятыми вопросами» о судьбе крестьянства в России в XX в., но Иван Денисович – художественный образ, в отличие от исторических личностей, стал типом «естественного человека». Восприятие бесценного дара жизни в его данности, изначальности, в отличие от интеллигентской рефлексии, дают заключенному Шухову силу выжить в сталинском лагере.

Заключение

Автор «Связи времен», свидетель оттепели, видел и переживал события 1960–х сквозь утопически-идеалистические «очки» (черта юности, идеализация поколения шестидесятых). Искусство слова в эпоху оттепели было универсальной мерой, «смыслом общественно-культурной жизни» [2]. Медиативное положение литературы в ряду форм культуры позволило поколению молодых писате-

²⁷ Ефимов. Указ соч. С. 91.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Там же. С. 172–173.

³⁰ Там же. С. 174.

³¹ Ефимов. Указ соч. С. 174.

³² Там же.

лей и поэтов выразить свои убеждения, преодолеть идеологические препоны, донести до читателя новые демократические идеи, на которых, с их точки зрения, и должна развиваться отечественная литература в России второй половины XX века. Исследование литературоцентризма (его национальной специфики, типологии, подъема и кризиса) позволяет воссоздать объективную картину русской и мировой литературы в сравнительно-историческом аспекте.

Записки И.М. Ефимова «Связь времён» представляют автобиографическую прозу русского зарубежья начала XXI века как часть русской литературы, сохранившую наиболее важные черты русского национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. В. Ироничная и литературоцентричная проза Вячеслава Пьецуха // Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. С.182–224.

2. Кондаков И. В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь-октябрь. URL: <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-grossii-xx-xxi-vekov> (дата обращения: 30.11.2021).

3. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

4. Сипко Й. Начало русского литературоцентризма: от сказок к известным авторам // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т. 158. Кн. 4. С.1049–1063.

5. Фоминых Т.Н. Жанровое своеобразие мемуарной прозы о первой мировой войне // Проблемы литературных жанров: материалы IV науч. межвузов. конф. 28 сент.-1 окт.1982 г. / редкол.: Ф. З. Канунова и др. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С.100–102.

6. Ханенко О. С., Бедрикова М. Л. Особенности эпистолярного жанра в современной исторической прозе (произведение И. Ефимова «Новгородский толмач») // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 2(10). С. 67–69.

7. Щедрина Н. М. Русская историческая проза в литературе последней трети XX века: учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1997. 132 с.

M. L. Bedrikova (Magnitogorsk, Russia)

I. M. EFIMOV «THE LINK OF TIMES»: PECULIARITIES OF LITERARY CENTRISM IN THE AUTO-BIOGRAPHICAL PROSE OF THE RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE ABROAD

Abstract. The article is devoted to relevant literary and cultural issue at the edge of XX-XXI centuries – the specifics of literary centrism in Russian literature. The object of the study is the autobiographical prose of Russian-language literature Abroad (I. M. Efimov «The Link of Times. The Notes of The Appreciative. In the Old World» (2011). The author of the article analyzes the peculiarities of a dissident writer thinking. The hypothesis is the narrator – the «I» of the famous historical novelist, the reflective personality type perceives a private life through the prism of history and great Russian literature. In addition to the factologies and chronology of «The Thaw» in 1950–1960s the notes include «third wave» emigrants biographies episodes: I. Brodsky, S. Dovlatov and other I. M. Efimov`s friends of Leningrad «samizdat» in 1960s-early 1970. Extensive intertextual field – from ancient literary monuments to modern literature, and Western European philosophy of the XX century – gives the «The Notes» an encyclopedic character. The originality of this research is revealed, firstly, the identification of special facets of the literary centrism of the dissident writer who analyzes his personal dissident experience in «The link of Times. The Notes of The Appreciative. In the Old World», secondly, the study of insufficiently known genre features of The Notes as a type of memoirs. There is a combination of political, social and cultural and literary components in the perception of «The Thaw» contemporary. In I. M. Efimov`s conscious, fixing the details of «One Day of Ivan Denisovich» publication, social and political changes in the USSR are inseparable from international situation in 1962. Each fact of dissident writers publication marks a progressive way of Russian literature development based on the classics traditions. The methodology of this article combines biographical, historical-literary, typological methods and the methods of culturological research.

Keywords: literary centrism, Russian-language literature Abroad, dissidents, autobiographical prose, the Notes of I. M. Efimov «The Connection of Times. The Notes of The Appreciative. In the Old World».

REFERENCES

1. Bogdanova O. V. Ironichnaya i literaturotsentrichnaya proza Vyacheslava P'etsukha //Postmodernizm v kontekste sovremennoi russkoi literatury (60–90-e gody KhKh veka – nachalo KhKhI veka), Saint Petersburg, Filol. f-t SPbGU, 2004, pp. 182–224.
2. Kondakov I. V. Po tu storonu slova. Krizis literaturotsentrizma v Rossii KhKh–KhKhI vv., Voprosy literatury. 2008. Sentyabr'-oktyabr'. URL: <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov> (accessed 11 December 2021).
3. Lipovetskii M. N. Russkii postmodernizm. Ocherki istoricheskoi poetiki : monografiya, Ekaterinburg, Ural'sk. gos. ped. un-t, 1997, 317 p.
4. Sipko I. Nachalo russkogo literaturotsentrizma: ot skazok k izvestnym avtoram, Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki, 2016, vol. 158, t. 4, pp. 1049–1063.
5. Fominykh T.N. Zhanrovoe svoeobrazie memuarnoi prozy o pervoi mirovoi voine, Problemy literaturnykh zhanrov: materialy IV nauch. mezhvuzov. konf. 28 sent.-1 okt.1982 g. / redkol.: F. Z. Kanunova i dr., Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1983, pp. 100–102.
6. Khanenko O. S., Bedrikova M. L. Osobennosti epistolyarnogo zhanra v sovremennoi istoricheskoi proze (proizvedenie I. Efimova «Novgorodskii tolmach»), Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii, 2016, no. 2(10), pp. 67–69.
7. Shchedrina N. M. Russkaya istoricheskaya proza v literature poslednei treti KhKh veka : ucheb. posobie, Ufa, Izd-vo Bashkirskogo un-ta, 1997, 132 p.

Бедрикова М. Л. И. М. Ефимов «Связь времён»: особенности литературоцентризма в автобиографической прозе русского зарубежья // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 55–62.

Bedrikova M. L. I. M. Efimov «The Link of Times»: Peculiarities of Literary Centrism in the Auto-Biographical Prose of the Russian-Language Literature Abroad, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 1, pp. 55–62.

Дата поступления статьи – 15.01.2022; 0,87 печ. л.

Сведения об авторе

Бедрикова Майя Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск; mlbedrikova@gmail.com.

Author:

Maya L. Bedrikova, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mlbedrikova@gmail.com.